

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Е. М. ШТАЕРМАН, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, М., Изд-во АН СССР, 1957, 512 стр., тираж 2000 экз., цена 20 р. 40 к.

Е. М. Штаерман давно уже известна советским историкам как крупнейший специалист по вопросам, связанным с историей Римской империи. Тем приятнее приветствовать выход в свет ее солидной и обширной монографии «Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи», являющейся несколько сокращенной переделкой ее докторской диссертации (защищалась в июне 1956 г. в Ученом Совете Института истории АН СССР). В этом своем труде автор — и следует признать с полным на то основанием и правом — ставит перед собою весьма трудную и ответственную задачу — сделать первую в марксистской исторической науке попытку чрезвычайно многообразные и сложные явления так называемого «кризиса Римской империи III века» показать как результат начавшегося общего кризиса рабовладельческого способа производства и под связанные с ним политические и идеологические явления подвести социально-экономический базис, их определяющий и объясняющий.

Следует прежде всего отметить чрезвычайную актуальность этой задачи. В настоящее время проблема падения Римской империи, начальным этапом которого является «кризис III века», привлекает особое внимание как советской, так и западной буржуазной исторической науки. У нас в последние годы на эту тему развернулась весьма острая и еще не законченная дискуссия, инициатором которой, между прочим, явилась та же Е. М. Штаерман¹. На Западе со времени Великой Октябрьской революции вопрос о падении Римской империи также все более привлекает внимание историков. В 1921 г. появилось второе издание монументального труда Отто Зеека², в 1926 г. вышла в свет весьма шумевшая «Социальная и экономическая история Римской империи» М. Ростовцева³, в которой много места уделено «социальной революции», каковой автор провозгласил кризис III века; с 1926 г. стала выходить «История поздней Рим-

¹ Е. М. Штаерман, Проблема падения рабовладельческого строя, ВДИ, 1953, № 2, стр. 51 сл.: А. П. К а ж д а н, О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи, ВДИ, 1953, № 3, стр. 77—106; А. Р. К о р с у н с к и й, О положении рабов, вольноотпущенников и колоннов в Западных провинциях Римской империи в IV—V вв., ВДИ, 1954, № 2, стр. 47—69; С. И. К о в а л е в, К вопросу о характере социального переворота III—V вв. в Западной Римской империи, ВДИ, 1954, № 3, стр. 33—44; М. Я. С ю з ю м о в, К вопросу о феодализации Римской империи, ВДИ, 1955, № 1, стр. 51—67; Е. Э. Л и п ш и ц, Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии, ВДИ, 1955, № 4, стр. 63—71.

² О. Зеек, *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*, В., 1921 сл.

³ М. Р о с т о в т з е ф f, *Economic and Social history of the Roman Empire*, Oxford, 1926 (нем. пер. 1931 г., итальянский — 1933 г.).

ской империи» Р. Штейна⁴. В послевоенное время количество исторических трудов, посвященных тем же проблемам, особенно увеличилось⁵, причем стали появляться и отдельные монографии, ставящие специальной задачей изучение самого кризиса III века и его причин. Кроме работ итальянских историков А. Кальдерини⁶ и И. Севери⁷, особое значение имеет вышедший в 1952 г. двухтомный труд крупнейшего немецкого специалиста по истории Рима Франца Альтгейма, трактующий о причинах «заката» древнего мира, а по существу тоже посвященный кризису III века⁸. Фр. Альтгейм, в связи с крушением «Третьего Рейха», решительно переключился от своих прежних исследований в области древнейшей истории Италии и Рима и римской религии к вопросам, связанным с падением Римской империи. В поисках аналогий и параллелей для пережитого им он до необычайных размеров преувеличивает значение внешнего военного фактора. «Всегда и везде, — утверждает он, — основные причины лежат во внешней политике, и ей всегда принадлежит примат» (стр. 2); «лишь внешний кризис и в данном случае вызвал внутренний» (стр. 29 и др.). Ведущее значение экономических и социальных явлений он решительно отрицает и по существу ими не занимается.

В противоположность подобным тенденциозным концепциям Е. М. Штаерман в своей монографии особенно многосторонне и детально анализирует социально-экономические процессы, имевшие своим результатом разложение системы рабовладельческих отношений, достигшей, по ее мнению, наибольшего развития в I в в первой половине II вв. н. э. Весьма подробно автор изображает, как со второй половины II в., в связи с обостряющейся классовой борьбой, обнаруживается изменение производственных отношений, в частности, значительные перемены во взаимоотношениях различных форм собственности. «Античная форма собственности», представленная средней величины рабовладельческими вилами на городских территориях, преобладавшая в период расцвета рабовладельческой системы хозяйства, начинает уступать по своему значению экзимирированным сальтусам, находящимся вне городской территории и потому свободным от муниципальных ограничений. Такие крупные имения обрабатывались уже не столько рабами, сколько колонами и различного вида зависимыми земледельцами (вплоть до посаженных на землю рабов), все более смыкавшимися в единую эксплуатируемую массу непосредственных производителей; однако они уже прикреплены к земле и имеют в своем владении орудия производства. На этих экзимирированных сальтусах и происходил процесс зарождения отношений, близких к феодальным, и потому такие владения земельных магнатов представляли собою более прогрессивную по сравнению с «античной» форму собственности. Постепенно поглощали они и другие виды собственности — общинную, продолжавшую существовать на части территорий западных провинций, в особенности в придунайских областях, даже в период наибольшего развития рабовладельческого хозяйства, а также императорские домены. Процесс этот автор детально прослеживает по материалам, касающимся земельных отношений в Галлии, Британии, Испании, Африке и в Придунайских провинциях (стр. 151—257).

Политические события бурного III века (гражданские войны, калейдоскопическую смену так называемых «солдатских» и «сенатских» императоров, сепаратистские движения в провинциях), а также ожесточенную борьбу весьма пестрых идеологических течений и направлений этого времени (например, преследования христиан при Деции и Валериане) Е. М. Штаерман ставит в непосредственную связь как с обострившейся

⁴ R. S t e n, *Geschichte des Spätromischen Reiches*, Wien, 1928 сл.

⁵ Особо следует отметить работы F. W. W a l b a n k, *The Declin of Roman Empire in the West*, L., 1946; S. K a t z, *The Declin of Rome*, New York, 1955.

⁶ A. C a l d e r i n i, *La crise del'III Secolo d. Ch.*, Milano, 1945.

⁷ J. S e v e r i, *La crise dell'impero nel III Secolo*, Bologna, 1949.

⁸ F. A l t h e i m, *Niedergang der alten Welt. Eine Untersuchung der Ursachen*, тт. I—II, Frankfurt a. M., 1952. Эта обширная монография является некоторой переработкой ранее вышедшей работы того же автора «Die Krise der Alten Welt in III Jahrhundert der n. Z. und ihre Ursachen». тт. I—III, B., 1943.

классовой борьбой, так и с борьбой между представителями старой «античной формы собственности» и новой, преимущественно провинциальной, землевладельческой знатью. В классовой борьбе Е. М. Штаерман считает возможным установить новый ее этап, так как начиная с III века главной движущей силой были уже не рабы, а крестьяне и другие земледельцы, стоявшие на различных ступенях зависимости. В борьбе же между защитниками античной формы собственности и новым магнатством, владевшим экзимирированными салтусами, большое участие на стороне первых принимала армия, так как солдаты и ветераны являлись тоже частью рабовладельческого класса, владели земельной собственностью, сходной с муниципальной, и представляли собою, по выражению автора, «резерв городского сословия», даже его высшего слоя — декурионов.

Особое внимание уделяет Е. М. Штаерман кульминационному пункту политического кризиса, которого он достиг в правление императора Галлиена (стр. 420—480). Правительство этого императора, по ее мнению, в последний раз сделало безнадежную попытку реставрации империи в ее классических формах, с опорой на муниципальные круги, на античную форму собственности, на городские организации и коллегии, что и вызвало непримиримую ненависть к этому императору аристократии западных провинций, инспирированный ею мятеж Постума и создание независимой от Рима «Галльской империи», просуществовавшей целых 15 лет. Лишь начавшееся движение багаудов заставило эту все более крепнувшую аристократию Запада, в особенности Галлии, вернуться под власть Рима и то лишь после смерти ненавистного ей императора. В общем же, неудача реставраторских попыток правительства Галлиена показала, как заключает автор, что «никакими мерами уже нельзя было предотвратить дальнейшее развитие кризиса рабовладельческого способа производства и упадок античной формы собственности. Позиции крупных землевладельцев все усиливались, и правительство чем далее, тем более вынуждено было считаться с этой социальной группой» (стр. 481). Это подтверждается той политической компромисса между различными группами собственников, которую вынуждены были вести «иллирийские» императоры и, наконец, окончательной, по мнению автора, победой в западных провинциях крупных земельных магнатов в период правления Диоклетиана и Константина: автор даже говорит о прямом «союзе императорского правительства (Диоклетиана и Максимиана) с провинциальной аристократией Запада» (стр. 501).

Таким образом, в своей монографии Е. М. Штаерман дает очень стройную, оригинальную, и, вместе с тем, вполне марксистскую концепцию весьма сложного и далеко еще не изученного периода античной истории. Кризис III века в этом обширном и весьма солидном в научном отношении исследовании очень последовательно и вполне ясно изображен как политическое следствие кризиса рабовладельческого способа производства и как один из важнейших этапов на пути перехода от рабовладельческой формации к феодальной.

Обширная монография Е. М. Штаерман является ценным вкладом в марксистскую историографию древности также благодаря целому ряду включенных в ее труд отдельных, чрезвычайно богатых материалом, экскурсов в область социально-экономических явлений II—III вв. и связанных с этими явлениями идеологических течений. Так, автор весьма убедительно опровергает укоренившееся мнение относительно пассивного характера идеологии низших слоев общества II—III вв. Опираясь на литературные источники (басни Федра, изречения Сира, стихотворения Коммодiana и др.), на эпиграфии того времени, Е. М. Штаерман убедительно показывает преобладание в настроениях низов активной морали, призывов к уважению бедности и трудовой жизни, проповеди борьбы за добро против зла, за уничтожение частной собственности и установление общности имущества. В «коллегиях малых людей», сменяющих прежние «фамильные коллегии», возникают представления о единстве «бедных и трудящихся», укрепляется противопоставление их «сильным и богатым», готовятся совместные выступления всех категорий эксплуатируемых против эксплуататоров. Именно эти боевые настроения низов, а не смягчение нравов или «гуманные» идеи стоической школы, как то утверждают буржуазные историки, и вызвали у господствующего класса необходимость идти на некоторые уступки — например, на законодатель-

ные мероприятия по ограничению власти господ над рабами и некоторому улучшению положения последних (стр. 78 и др.). В связи с этим автор также правильно протестует против переоценки влияния восточных религий (стр. 138 сл.): «идеи, близкие к христианским, были популярны среди низших классов Запада, что и облегчило распространение христианства» (стр. 136, прим. 86).

Совершенно правильно трактует автор также понятия «романизация» и «варваризация» провинций (стр. 151). Под романизацией Е. М. Штаерман понимает развитие в провинции рабовладельческих отношений в их высшей, классической форме, сопровождаемое соответственной степенью усвоения римской культуры; под варваризацией — кризис рабовладельческой системы хозяйства, упадок муниципальной жизни, перемещение центра тяжести экономической и социальной жизни из города в деревню, в крупный домен и село, что естественно связано с оживлением местного ремесла и местных культурных традиций, никогда полностью и не замиравших в сельских районах провинций. В связи с этим большое место уделяет Е. М. Штаерман изучению следов общинной собственности, сохранившейся в особенности в западной Галлии, в южных районах африканских провинций и на Дунае, и стремится вскрыть процесс превращения свободных общинников в зависимое земледельческое население крупных земельных владений знати.

Очень большого внимания заслуживают в книге Е. М. Штаерман также ее суждения о политических программах, отраженных в романах Апулея и Филострата, о политических тенденциях «Римской истории» Диона Кассия и сборника биографий Августов (SHA), очень тонкий анализ политического значения философских произведений Плотина и целый ряд других ее замечаний, касающихся идеологии различных слоев Римского общества II—III вв. н. э. Это позволяет Е. М. Штаерман «наметить три основные политические программы различных групп правящего класса» (стр. 306—309), из-за осуществления которых, по ее мнению, и развертывалась вся политическая борьба в III веке. Это программы: 1) земельной знати западных провинций, 2) крупных собственников восточных провинций, 3) муниципальных рабовладельческих кругов. Далее автор делает попытку выявить специфику идеологии армии (стр. 317—319), а также идеологию и некоторые смутные desiderata широких трудящихся масс, хотя и полагает, что «по-видимому, никакой четкой программы свободные труженики и рабы не имели» (стр. 319—320). Как ни шатки, в некоторой части даже недостаточно обоснованы и потому мало убедительны, эти реконструкции, все же они представляют собою первую попытку постановки и предварительного решения самых основных проблем политической истории III века.

Такой широкоохватывающий характер монография Е. М. Штаерман могла приобрести лишь благодаря применению комплексного метода как в анализе отдельных исторических явлений, так и в установлении между ними органической связи, открывающей возможность вскрытия основных закономерностей. «Только комплексное рассмотрение всех явлений, — пишет сам автор, — может помочь вскрыть некоторые закономерности и нарисовать более или менее полную картину» (стр. 14); «... как кризис отразился на таких основных институтах рабовладельческого общества, как фамилия, вилла, город, какие изменения он вызвал в его классах», — поясняет он несколько выше (стр. 13). В комплексном использовании всех видов источников автор показал как исключительную эрудицию, так и высокое мастерство. Источники всякого рода — литературные, юридические, эпиграфические, археологические, нумизматические — привлекаются в таком количестве и цитируются столь обильно, что читатель готов сетовать на автора за некоторое злоупотребление сырым материалом в ущерб стройности его работы. Ведь иногда приводимые на ряде страниц выписки из Дигест, цитаты из Корпуса латинских надписей, перечисление изображений и легенд на монетах и пр. приобретают столь безудержный характер, что сам автор оказывается как бы подавленным их пестротой и многообразием и в заключение должен признать «противоречивость» скопленных им материалов. Но если благодаря этому работа Е. М. Штаерман может казаться несколько сырой и требующей большей фильтрации материала, то нельзя отказать автору

в признании поразительной добросовестности в смысле привлечения и использования громадного количества источников. Все же желательно было бы многое сократить, иное перенести в примечания или особые приложения.

Должен вместе с тем напомнить, что и общая концепция Е. М. Штаерман и ее решение проблемы падения рабовладельческого строя не нашли себе единогодушного признания в среде советских историков. По ряду относящихся сюда вопросов, затронутых Е. М. Штаерман в ее предварительных публикациях на страницах «Вестника древней истории» развернулась, как уже упоминалось выше, весьма оживленная дискуссия (см. прим. 1 — указанные статьи А. П. Каждана, А. Р. Корсунского, С. И. Ковалева, М. Я. Сюзюмова и др. в ВДИ за 1953—1955 гг.), которая побудила Е. М. Штаерман в своей диссертации и в монографии несколько пересмотреть свои положения. Так, справедливо указывалось, что 1) «полисный строй и полисную собственность (= античная форма собственности) нельзя считать сущностью рабовладельческих отношений»⁹; 2) в III—V вв. рабство продолжало играть важнейшую роль в экономической жизни Римской империи; 3) нельзя проводить столь резкую грань между «муниципальной» и «экзимирированной» земельной собственностью в отношении применяемых ими методов ведения хозяйства — и в среднего размерах виллах и в крупных имениях знати использовался труд и рабов и колонов, и потому между владельцами этих земель не могло быть столь непримиримого антагонизма; 4) мелкая земельная собственность не исчезла в IV—V вв. ни в Италии, ни тем более в провинциях, мелкие хозяйства вовсе не были полностью поглощены крупными, так что нельзя установить в последние века империи какой-то «необычайной» концентрации земли и столь далеко зашедший процесс феодализации общественных отношений, как то склонна считать Е. М. Штаерман.

Считая вполне справедливым и приведенные выше замечания, должен отметить, что многие из них теперь Е. М. Штаерман ушла и некоторые свои утверждения смягчила, правда, иногда лишь в отдельных выражениях и формулировках (см. стр. 509). Но к приведенным выше замечаниям мне представляется необходимым присоединить и некоторые свои. Прежде всего следует отметить, что Е. М. Штаерман в своей монографии совершенно игнорирует внешнюю историю Римской империи — столь бурную в III веке, в особенности в его середине: грозные нашествия возникших в это время мощных союзов «варварских» племен (франков, аламанов, готов), грандиозный разгром ими римских провинций (в 258 г., опустошив Галлию, франки проникли до южного побережья Испании), полную оккупацию «варварами» некоторых из них (Дакия) и частичное заселение других в качестве федератов, разрыв, в особенности готами, основных торговых путей¹⁰ — все это нельзя рассматривать только как «причины, усугублявшие кризис». «Римская империя пала в результате двойного удара — изнутри и извне», — совершенно правильно замечает проф. С. И. Ковалев¹¹. В такое страшное время, когда инстинкт самосохранения должен был временно смирять и алчность и скопидомство, вряд ли можно сепаратистские движения в охваченных пожарами и залитых кровью провинциях сводить лишь к программным разногласиям между императором Галлиеном и местными крупными землевладельцами (стр. 420—481). Безусловно, вопросы внешней обороны играли первенствующую роль и в возникновении Галльской империи, и в «узурпациях» Ингенуя и Регалиана в Дунайских провинциях, так же как в одновременном образовании Пальмирской империи Одената, Валбаллата и Зенобии, как вскоре затем и в тетрархии Диоклетиана. Во всяком случае, игнорировать эти чрезвычайно мощные стимулы никак нельзя.

⁹ А. П. Каждан, ук. соч., стр. 79; С. И. Ковалев, ВДИ, 1956, № 1, стр. 53. Да и существовала она лишь в классический период полисной автономии и автаркии!

¹⁰ «Народы, обитающие в прилегающих к Истру областях, благодаря своим непрерывным опустошительным набегам, не оставили целой ни одной части Италии и Иллирика, разграбляя их без всякого сопротивления со стороны кого бы то ни было (οὐδὲν ἔσται σῶμενον)», — пишет, несомненно следуя Дексиппу, Зосим (Historia Nova, I, 31).

¹¹ Ковалев, ВДИ, 1954, № 3, стр. 43.

А в связи с этим стоит и другой дефект в концепции Е. М. Штаерман: автор никак не желает признать глубокой дероманизации «римской» армии III века. Между тем известно, что не только чуждой и чужеродной для «античной формы собственно сти» являлась в III веке вся та половина воинского состава римской армии, которая и официально называлась «вспомогательными войсками» (*auxilia*) — все эти когорты, алы, нумеры и пр., формировавшиеся из разных «союзных» племен, еще мало затронутых влиянием рабовладельческих отношений. Но и основные контингенты римской армии — ее легионы — уже набирались из населения мало затронутых романизацией сельских местностей, провинциальных виков и пагов, сохранявших, как хорошо показал сам автор, особенно на севере и западе Римской империи, значительные пережитки общинно-родового строя. Так, когда в 193 г. дунайская армия Септимия Севера заняла Рим, то, как жалуется очевидец Дион Кассий, «город переполнился толпами пестрого военного люда, дикого по внешнему виду, с отвратительно искаженной речью и мужицкими нравами» (72, 2). Поэтому нет никаких оснований трактовать солдат III века как представителей слоя мелких и средних рабовладельцев, говорить об единстве их интересов с рабовладельцами-муниципалами, об общей с ними тенденции сохранить прежнюю «античную форму собственности» и пр. Автора вводят в заблуждение эпитафии и другие надписи, идущие от некоторых удачливых ветеранов, имевших счастливый случай проникнуть в среду правящего городского сословия. Между тем, массовые солдатские могилы безымянны, да и автору известно, что «представители народных масс редко имели средства для сооружения дорого стоявших надгробных памятников или более или менее пространных надписей» (стр. 124). Поэтому ничто не дает ему основания настойчиво утверждать, что «основная масса солдат была тесно связана со средним и мелким (= городским) землевладением» (стр. 407 и др.), что «солдат был, во всяком случае, будущим ветераном, т. е. землевладельцем и членом сословия декурионов» (стр. 12). Скорее совсем наоборот: при взятии войсками городов солдаты с необычайной свирепостью расправлялись с городскими землевладельцами, с муниципальной знатью. Так, в 262 г. солдаты Галлиена учинили такую резню в Византии, что «у византийцев из древней знати не осталось ни одной семьи; спасся лишь тот, кто был в путешествии или находился на военной службе»¹². Раньше, во время гражданской войны 193—197 годов, при таком же, по мнению автора, представителе «консервативной», «реставраторской» политики и идеологе сословия декурионов — Септимии Севере (стр. 362—363) то же самое произошло с жителями Лаодикеи, Антиохии и Лугдуна, а позднее, в 270 г., с населением Августодуна, причем в последнем случае мятежные солдаты помогали восставшим рабам и крестьянам. Именно с крестьянами, а не с муниципалами у солдат, в особенности в III веке, было больше общих интересов, и известны случаи, когда жалобу крестьян на угнетение их местными властями или землевладельцами составляет от их имени и подает императору проживающий в том же паге солдат или даже бенефициарий. Нет никаких сомнений, что классическое изображение горькой солдатской доли в речи солдата Перенния у Тацита¹³ сохраняет всю свою силу и для III века: «Мы, как рабы, повинемся центурионам и трибунам... Старики, мы прослужили по 30—40 походов и почти все изувечены... Переживет ли кто эти бедствия — его тащат в отдаленные страны и под видом „полей“ дают ему болото или негодный участок. Военная служба поистине тяжка и жалка: душа и тело оценены в 10 ассов подевно — и за эту сумму должны мы припасать платье, оружие, палатку, откупаться от жестокости центурионов, от лагерных работ. Зато, свидетель Геркулес, нет конца побоям и ранам! Зимой мерзни, летом трудись, проливай кровь на войне, голодай во время мира!». Что же здесь общего с муниципалами?

Есть и ряд отдельных частных утверждений автора, с которыми вряд ли можно согласиться и которые представляют собою явные натяжки. Так, Портинакс изобра-

¹² SHA, Vita Gall., 6, 8—9.

¹³ Tacit., Annal., I, 17.

жается «сенатским» императором: «он был, по-видимому, выдвинут воспользовавшейся переворотом группой крупных собственников и пытался действовать в ее интересах», — пишет автор (стр. 330). «Политика Пертинакса была инспирирована именно сенатскими кругами», — повторяет он в другом месте (стр. 331). Это резко расходится с показаниями источников: Геродиан сообщает, что Пертинакс был сыном вольноотпущенника, «происходил из простого и незнатного рода и далеко отстоял от людей благородных». При известии о его избрании преторианцами «толпы народа устремились к лагерю преторианцев, опасаясь, что солдаты будут упрямитесь, и хотели силой заставить их провозгласить Пертинакса императором¹⁴». Популярной была и его политика — отмена портовых и береговых пошлин, разрешение занимать под обработку пустующие и заброшенные земли в Италии и в провинциях, суровые меры против бесчинств преторианцев и пр. Поэтому он и был убит всего через три месяца после избрания и заменен крупнейшим богачом-сенатором Дидием Юлианом.

Е. М. Штаерман правильно называет Коммода, Септимия Севера и Каракалла «первыми солдатскими императорами», хорошо изображает их борьбу с провинциальной землевладельческой знатью и ее цитаделью — сенатом, но совершенно напрасно считает их покровителями городов и «античной формы собственности». Септимий Север, как уже упоминалось, подверг жесточайшему разгрому восточные города, так как они решительно стояли на стороне его соперника — Песценния Нигера. Известно, как расправился с Александрией Каракалла и как тяжелы были для городов возложенные на них, ввиду стремительно растущих расходов на армию, новые поборы и повинности (тунега), «веночные деньги», бесплатные поставки продовольствия, фуража и одежды для войск, постой при их постоянных передвижениях и пр. Развал городского хозяйства особенно ярко стал проявляться именно при этих первых «солдатских императорах». Даже знаменитый эдикт 212 г., столь щедро жаловавший «всем перигринам ойкумены» вместе с правами гражданства «все установленные виды муниципального строя», показывает, что императорское правительство уже не придавало этим прежде столь ценным привилегиям большого значения. Не без основания Дион Кассий рассматривает эдикт как простое уравнительное фискальное мероприятие, ставящее задачу, ввиду истощения казны, распространить и на неграждан тяжелые поборы, от которых они раньше были избавлены¹⁵.

Императора Филиппа (244—249 гг.) не следует называть «арабским шейхом» (стр. 7). Прозвище «Араб» он получил потому, что происходил из среды римских колонистов в Аравии. Отец его носил чисто римское имя Марин¹⁶, он умер во время правления Филиппа, и изображения его чеканились на монетах. Дунайских узурпаторов Ингенуя и Регалиана Е. М. Штаерман пытается изобразить ставленниками местной аристократии (стр. 479), но аналогии с галльскими императорами Постумом, Лелианом, Тетриком и др., хотя известно, что в противоположность Галлии крупного землевладения на Дунае не было. Вместе с тем, эти дунайские императоры пользовались такой популярностью и поддержкой среди местного населения, что во время карательной экспедиции против них Галлиен предписал своим солдатам поголовно истреблять не только всех воинов их армии, но и все мужское население Мезии¹⁷. Это свидетельство Требеллия Поллиона Е. М. Штаерман неудачно стремится отвергнуть путем нагромождения весьма сомнительных догадок (стр. 478). Деление империи при Диоклетиане (тетрархия) будто бы было проведено не ввиду ее опасного внешнего положения, а «для борьбы с народными восстаниями» (стр. 498—499). Но этому противоречит сам выбор резиденций для обоих Августов — Никомерии и Милана — и для двух Цезарей — Сирмия и Трира, а также и хронологическая последовательность событий: ведь поход Максимиана против повстанцев в Африке (квинквентанеев) происходил лишь в 296—297 гг., значительно позднее его похода за Рейн против германцев. Победа же над

¹⁴ Herod., II, 2.

¹⁵ Cass. Dio, 77, 9.

¹⁶ Aurel. Victor, Epit. de Caes., 28, 4.

¹⁷ SHA, Trig. Tyr., 9, 3—8.

багаудами в 285—286 гг. одержана была им. по единодушному показанию источников (Орозий, Евтропий, Аврелий Виктор), без особого труда и напряжения сил¹⁸.

В общем, наиболее слабой стороной монографии Е. М. Штаерман является ее ярко выраженная тенденция подчинить весьма сложный и многосторонний исторический процесс теории о будто бы непримиримом антагонизме между «античной формой собственности», в действительности давно уже утратившей свое значение и силу, и «экзимирированными» крупными сальтусами, трактуемыми как новый, «прогрессивный» вид хозяйственной организации, уже не рабовладельческого, а так сказать, «колониально-владельческого» типа. Но для доказательства этого тезиса автору, несмотря на громадное количество всякого исторического материала, привлекаемого им и свидетельствующего о его исключительной эрудиции, не хватает, в сущности, прямых данных источников, подтверждающих его основные положения. Ему приходится идти методом «цепной аргументации», строя одно предположение на фундаменте другого, столь же в общем шаткого, воздвигая, таким образом, многоэтажное здание гипотез. Особенно малоубедительной является аргументация в его пространственных нумизматических экскурсах.

Впрочем, научная совесть автора и его обширный опыт в области исследовательской работы часто побуждают его самого признаваться в недостаточной фундированности его тезисов и выводов. Поэтому он иногда говорит о «противоречивости» данных относительно позиций или программы того или другого из многочисленных императорских правительств III века (например, Северов — стр. 340—342, также стр. 348) и все свое изложение сопровождает выражениями, свидетельствующими о неуверенности. Слова «возможно», «вероятно», «по-видимому», «можно предположить», «быть может», «судя по тому», «очевидно» и тому подобные оговорки рассыпаны по всем страницам монографии, в особенности в последней ее части: таких выражений, например, на одной стр. 480 можно насчитать до десятка! Однако читателя не могут убедить эти недостаточно аргументированные положения, так как хотелось бы иметь более твердую почву под ногами.

Но все же и это не меняет уже высказанного мною мнения, что монография Е. М. Штаерман «Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи» представляет выдающийся и по актуальности темы и по глубокой эрудиции автора научно-исследовательский труд, в котором автор по-новому ставит и пытается разрешить ряд проблем, связанных с вопросами разложения рабовладельческой формации и подготовки ее к переходу в феодальную. Ни на русском, ни на иностранных языках нет такого труда, в котором бы, благодаря комплексному методу, столь широко применяемому автором, была бы сделана попытка поставить в закономерную связь явления экономические, социальные, политические и идеологические, относящиеся к кризису III века, и было бы показано историческое значение этого кризиса. Во всяком случае, с концепцией, в которую Е. М. Штаерман стремится объединить весь чрезвычайно сложный и разнообразный материал, касающийся этого времени, принужден будет считаться каждый научный работник, интересующийся этим периодом античной истории.

Проф. В. Н. Дьяков

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НОВОСТИ ИЗ ГРУЗИИ

Книга Т. С. Каухчишвили «Греческие надписи Грузии», Тбилиси, 1951 (Изд. АН ГрузССР, на груз. яз.) содержит надписи, известные до 1951 г. После издания этой работы в Грузии найдены следующие греческие надписи:

1) Надпись на цилканской гемме¹.

В сентябре 1951 г. во время пахотных работ в сел. Цилкани (в восточной Грузии)

¹⁸ А. Р. Корсунский, Движение багаудов, ВДИ, 1957, № 4, стр. 75.

¹ Впервые опубликована в «Мат. по арх. Грузии и Кавказа», I, 1955, стр. 211—218 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).